

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-40-56

В.С. Калмыков

Московский педагогический государственный университет,
119991, г. Москва, Российская Федерация

Тактика римского легиона против эллинистических армий: превосходство римлян или ошибки эллинистических полководцев?

В статье рассматриваются сражения римской армии против армий эллинистических государств. Дается анализ тактики римской и эллинистических армий. В качестве примеров выбраны сражения при Гераклее с армией царя Пирра, а также сражения при Баграде под командованием спартамца Ксантиппа против армии Карфагена. Отдельно рассматриваются сражения римлян с македонцами в период Второй Македонской войны. Определяются причины побед и поражений римской и эллинистической армий. Сделан вывод о том, что Римская республика побеждала благодаря своему упорству, большим человеческим ресурсам и умелой дипломатии. Эллинистические полководцы прекрасно знали римскую тактику и ее особенности, но не до конца поняли суть римского общества и государства. Это было их главной ошибкой.

Ключевые слова: битва при Баграде, битва при Гераклее, битва при Киноскефалах, Пирр Эпирский, Римская республика, Филипп V Македонский, эллинизм, Эпир

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Калмыков В.С. Тактика римского легиона против эллинистических армий: превосходство римлян или ошибки эллинистических полководцев? // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 40–56. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-40-56

© Калмыков В.С., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

V.S. Kalmykov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Tactics of the Roman legion against the Hellenistic armies: The superiority of the Romans or the mistakes of the Hellenistic commanders?

The article discusses the battles of the Roman army against the armies of the Hellenistic states. The analysis of the tactics of the Roman and Hellenistic armies is given. The battles at Heracles with the army of King Pyrrhus, as well as the battles at Bagrad under the command of the Spartan Xanthippus against the army of Carthage are presented as examples. Special attention is given to the battles of the Romans with the Macedonians during the Second Macedonian War. The reasons for the victories and defeats of the Roman and Hellenistic armies are determined. It is concluded that the Roman Republic won thanks to its perseverance, great human resources, and skillful diplomacy. The Hellenistic generals knew Roman tactics and their features very well but did not fully understand the essence of Roman society and the state. That was their major mistake.

Key words: battle of Bagrad, battle of Heracles, battle of Kinoskofaly, Pyrrhus of Epirus, Roman Republic, Philip V of Macedon, Hellenism, Epirus

CITATION: Kalmykov V.S. Tactics of the Roman legion against the Hellenistic armies: The superiority of the Romans or the mistakes of the Hellenistic commanders? *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 40–56. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-40-56

Когда римляне начали завоевание Восточного Средиземноморья, их армия столкнулась с эллинистической военной системой, созданной Александром Македонским и его наследниками. Римские легионы и их тактика на поле боя оказалась более совершенной, чем тактика эллинистических армий, и это принесло римлянам победу. Однако при детальном исследовании ряда сражений данное утверждение не является бесспорным. Следует отметить, что впервые римская армия

и эллинистическая военная система столкнулись во время похода царя Пирра в Италию. Чтобы понять сильные и слабые стороны римской и эллинистической военных систем, следует рассмотреть ряд сражений, которые помогут определить причины побед и поражений римлян. Начать надо с похода царя Пирра в Италию, когда римский легион и македонская фаланга впервые встретились в бою. Причины этого похода рассмотрены в отдельной статье [7], а в данной работе нас интересует армия Пирра, ее тактика и состав.

Какова же была численность армии Пирра, с которой он начал поход в Италию? Плутарх пишет, что царь Эпира «погрузил на прибывшие из Тарента грузовые суда двадцать слонов, три тысячи всадников, двадцать тысяч пехотинцев, две тысячи лучников и пятьсот пращников» [12, с. 443]. Современный исследователь А.В. Банников, считает, что изначально в армии Пирра было 60 боевых слонов, но «в Италию отправились около 20 слонов, поскольку часть животных были старыми и небоеспособными» [2, с. 187]. Наличие боевых слонов было главным козырем Пирра, они были своего рода «чудо-оружием» того времени. Р.В. Светлов дает несколько другие цифры по численности эпирской армии. Он пишет, что в Италию отправились 20 тыс. тяжелой пехоты и пельтастов (средней пехоты), 2500 легковооруженных пехотинцев и 3 тыс. всадников, а также 20 боевых слонов [14, с. 191]. Получается, что общая численность армии Пирра составила 25 500 воинов. Для данной эпохи – это компактная армия, но царь Эпира надеялся на воинские контингенты италийских племен и Тарента. Весной 280 г. до н.э. транспортный и военный флот Пирра вышел в море. Поход в Италию начался. Что касается тактических приемов, которые применял Пирр и его офицеры, то, как пишет английский историк Дж. Петриковски, «в это время фаланга оставалась своего рода пассивно-агрессивным центром войска, конница находилась на крыльях, чтобы броситься в молниеносную атаку, на слабое место в порядках противника» [11, с. 113].

Теперь рассмотрим состояние римской армии, которая противостояла Пирру. Следует отметить, что армия Рима того времени еще не достигла вершины своего развития и находилась в процессе становления. Основной боевой единицей римской армии был легион. Он состоял из 300 всадников, 3 тыс. солдат тяжелой пехоты и 1200 солдат легкой пехоты. Легион насчитывал 30 тактических единиц (манипулов), которые строились в три ряда в шахматном порядке. Таким образом, строй легиона представлял собой шахматную доску [3, с. 28]. Данный боевой порядок был достаточно гибким и позволял манипулам маневрировать на пересеченной местности, а также наращивать силу удара. Как отмечает Петриковски, «главное новшество легионов заключалось в том, что

небольшие группы воинов, из которых состояла боевая линия, могли передвигаться независимо друг от друга» [11, с. 176]. Но, пожалуй, самым важным был тот факт, что во время военной кампании каждый легион римлян поддерживал контингент латинских или италийских союзников Рима. Английский историк А. Голдсуорти пишет: численность пехоты союзников равнялась численности легионной пехоты, а численность конницы превышала легионную в два раза [3, с. 28]. В итоге получается, что к 4200 пехотинцам римского легиона следует прибавить 4200 пехоты союзников, а также 600 всадников. Всего, вместе с союзными контингентами, численность одного легиона могла достигать 10 тыс. воинов. Как правило, консульская армия состояла из двух легионов, с учетом сил союзников – это 20 тыс. воинов. По нормам того времени, римляне выставляли значительные силы, имея в запасе еще армию второго консула. Фактически, римские легионы были своего рода стержнем, вокруг которого выстраивались союзные отряды пехоты и конницы.

При консуле Марке Фурии Камилле солдатам стали выплачивать денежное содержание во время боевых действий. Это позволило проводить военные кампании в зимний период [10, с. 11]. Однако, как считает Голдсуорти, римскую армию нельзя считать профессиональной, поскольку после окончания войны легионы подлежали роспуску [3, с. 28–29]. Эту точку зрения разделял и соотечественник Голдсуорти Ф. Эдкок, отмечая, что «республиканская армия в своей массе была непрофессиональной» [17]. Конечно, роспуск армии в мирное время не способствовал повышению профессионализма солдат и офицеров, но частые войны, которые вели римляне, позволяли иметь большое количество опытных воинов.

Светлов пишет, что римская армия была приспособлена для сражений с племенами Италии, в первую очередь, галлами и самнитами. Что касается построения легиона в три линии, то, по его мнению, «красивый шахматный строй римлян» было очень трудно сохранить на пересеченной местности [14, с. 199–200]. С этим утверждение можно согласиться, поскольку, скорее всего, манипулы могли сомкнуть свой строй при фронтальной атаке противника, чтобы сохранить его монолитность. Вторая и третья линия манипул легиона служила для оказания помощи первой линии, если противник прорывал или теснил ее. Из этого действительно можно сделать вывод, что римская военная система была предназначена для противостояния племенам Италии, поскольку строй римского легиона хорошо держал фронтальные атаки галлов и самнитов, изматывая их в ходе боя. Эдкок прямо утверждал, что именно против галлов, которые атаковали лавиной, и был создан боевой

порядок легиона [17]. Слабым местом римской армии была конница. Но, как отмечает Светлов, при такой манере ведения боя она имела явно вспомогательный характер [14, с. 205]. Также он отмечает, что римляне для маневра своими военными силами использовали систему военных дорог, которую старались расширить при первой возможности [Там же, с. 207].

Итак, что же представлял собой римский солдат того времени? Это был опытный воин, знающий свое место в строю манипула и легиона, дисциплинированный и стойкий, а главное, верный своему городу. Как справедливо писал Эдкок, от римского солдата требовались стойкость и умение повиноваться приказам, а также вера в своих командиров [17]. Именно с такой армией пришлось встретиться Пирру в бою.

Теперь рассмотрим более подробно армию эпирского царя. Светлов указывает, что до нас не дошло подробное описание эпирской армии и ее внутренней структуры [14, с. 193]. Можно предположить, что в военном строительстве Пирр ориентировался на армию Александра Македонского, которая служила образцом для наследников великого завоевателя. Основу армии составляла тяжелая пехота, сражающаяся в строю фаланги. Дискуссионным является вопрос, была ли эта фаланга македонского типа, с глубиной в шестнадцать рядов, или обычная – в восемь рядов. Для македонской фаланги требовалась высокая выучка воинов и умение действовать длинным копьем – сариссой. Пирр имел возможность создать македонскую фалангу, наняв македонских воинов и обучив эпиров. В качестве средней пехоты выступали пельтасты, вооруженные коротким копьем, щитом и мечом, они могли действовать как в сомкнутом, так и в рассыпном строю. Пельтасты служили для прикрытия и поддержки фаланги в бою. Конница Пирра состояла из фессалийских наемников, являющихся лучшими всадниками Эллады, и эпирских гетайров, представляющих царскую гвардию. Конница и боевые слоны являлись ударным кулаком армии Пирра, в то время как фаланга представляла собой, образно говоря, «наковальню». В тактике эпирский царь отдавал предпочтение фланговым кавалерийским ударам, с опорой на тяжелую пехоту. Эту тактику разработал еще Филипп II Македонский и усовершенствовал его сын Александр.

Также, как считает Светлов, Пирр применял расчлененный боевой порядок тяжелой пехоты и «...был склонен к выделению резерва и постепенного ввода в бой своих частей» [Там же, с. 196]. По мнению Петриковски, «нельзя сказать, что македонская система, представителем которой являлся Пирр, была неэффективной или устаревшей. Проблема македонской системы заключалась в заложенной в ней хрупкости и зависимости от качества руководства» [11, с. 176]. Однако

и римская армия не могла похвастаться умелым руководством на поле боя, поскольку каждый год происходила смена командования в связи с выборами новых консулов. С точки зрения профессионализма, вся эпирская армия была наемной и содержалась на средства царя. Ее воины были преданы Пирру и имели большой боевой опыт, но основным недостатком можно считать малочисленность именно эпирских контингентов. После прибытия в Италию, как пишет Плутарх, Пирр «увидел, что чернь в Таренте по доброй воле не склонна ни защищаться, ни защищать кого бы то ни было, а хочет лишь отправить в бой его, чтобы самой остаться дома и не покидать бань и пирушек» [12, с. 443–444]. Данная ситуация свидетельствует о том, что надежда Пирра на поддержку эллинов Италии оказалась беспочвенной и ему пришлось провести насильственный набор солдат в свою армию [Там же].

Проявилось и такое узвзимое место эллинского гражданского общества, как нежелание защищать свой полис и нести тяготы военной службы, что, естественно, сужало мобилизационную базу войска эпирского царя.

В середине лета 280 г. до н.э. Пирр и римляне впервые встретились на поле боя. Это произошло у р. Сирус, в 30 км от г. Гераклея [14, с. 214–215]. Римлянами командовал консул Левин, войска которого опустошали Луканию и вели наступление на Тарент. Интересен тот факт, что эпирский царь «послал к римлянам вестника, предложив им без войны получить от италиков законное удовлетворение, а его, Пирра, сделать при этом судьей и посредником» [12, с. 444]. В сложной ситуации Пирр попытался применить стандартную практику эллинской дипломатии и решить спорный вопрос путем переговоров при помощи посредника. Однако римская дипломатия была совершенно другой, она опиралась на реальные победы в войне, а не на посредничество третьей стороны. Консул Левин ответил, «что римлянам его посредничество не нужно, а война с ним не страшна» [Там же].

Каковы же были силы противоборствующих сторон? Светлов оценивает численность римской армии в 40 тыс. пехоты и 2500 конницы. Что касается армии Пирра, то она состояла из 30 тыс. пехотинцев, 3500 всадников и 20 боевых слонов [14, с. 214–215]. Петриковски утверждает, что у эпирского царя было около 30 тыс. воинов, а численность римлян определить сложно, но их армия, несомненно, была больше, чем армия Пирра [11, с. 175]. Получается, что римляне имели численное преимущество, но армия эпирского царя, скорее всего, превосходила римскую по качеству управления и выучки. Выступив в поход, Пирр расположился лагерем между городами Пандосия и Гераклея. При осмотре римского лагеря Пирр сказал своему приближенному Мегаклу: «Порядок

в войсках у этих варваров совсем не варварский» [12, с. 444]. Данная фраза показывает отношение эллинов к римлянам, считавших последних варварами, но также и уровень осведомленности эллинистических правителей о римском государстве и его армии. Этот уровень был явно недостаточным. Пирр все же решил дать «варварам» бой.

Р.В. Светлов считает, что консул Левин первым начал переправу через р. Сирус, стремясь обойти армию Пирра [14, с. 215]. Как пишет Плутарх, царь Эпира предвидел эту возможность и поставил на берегу реки охранение и собирался напасть на римскую армию во время переправы. Однако Пирр решил дождаться союзников, что являлось ошибкой, поскольку «римляне, чтобы не дать Пирру выполнить задуманное, поспешили начать переправу» [12, с. 444]. Надо отдать должное римскому консулу, сумевшему завладеть инициативой и попытавшемуся окружить армию эпирского царя. Пирр был очень встревожен таким поворотом событий и «приказал своим военачальникам построить пехоту и держать ее в боевой готовности, а сам во главе трех тысяч всадников поскакал вперед, надеясь застигнуть римлян до того, как они, переправившись, встанут в боевой порядок» [Там же]. Это было единственное правильное решение на тот момент. Эпирскому царю надо было выиграть время для построения своей пехоты в фалангу, а также помешать римлянам переправиться через реку.

По мнению Светлова, конница Пирра атаковала конницу римлян, а затем отступила по приказу, заманивая противника [14, с. 216]. Плутарх пишет, что царь Эпира сражался в первых рядах своей конницы, но видя, что она отступает, «послал за пехотой и выстроил ее в фалангу» [12, с. 445]. Скорее всего, конница Пирра дала своей пехоте время построиться в боевой порядок, а также расстроила ряды конницы врага. После переправы римская пехота столкнулась с пехотой противника, построенной в боевой порядок. Плутарх пишет, «что семь раз противники поочередно то обращались в бегство, то пускались в погоню за бегущими» [Там же]. Как отмечает Светлов, бой пехоты не мог быть очень долгим, но был очень ожесточенным [14, с. 217]. Поэтому утверждение Плутарха можно считать преувеличением. По всей видимости, римская пехота провела несколько фронтальных атак против эпирской фаланги, но не смогла пробить ее строй. Если фаланга была македонского образца, то пробить ее строй или потеснить ее было практически невозможно. Именно этим объясняется ожесточенность сражения.

Исход боя решила фланговая атака фессалийской конницы и боевых слонов. Плутарх сообщает, что «в конце битвы римлян сильно потеснили слоны, так как римские кони не выносили вида этих чудовищ и мчались вместе со всадниками вспять... а Пирр, напав во главе

фессалийской конницы на пришедших в замешательство противников, обратил их в бегство и многих перебил» [12, с. 445]. Банников дает высокую оценку Пирру как полководцу, отмечая, что он понял, как эффективны слоны против конницы и использовал их сильные стороны против вражеской армии [2, с. 190]. Однако не все так просто в оценке роли боевых слонов. В данном сражении римская армия продемонстрировала стойкость и упорство своей пехоты во фронтальной атаке, но римские командиры не смогли парировать фланговый удар Пирра, который был нанесен в стиле Александра Македонского. Конница и боевые слоны использовались в качестве молота, а наковальней была эпирская пехота, построенная в фалангу. Даже если у Пирра не было бы боевых слонов, то римская конница все равно была бы разбита фессалийцами и римляне пропустили бы удар во фланг и были вынуждены отступить.

Слоны, несомненно, сыграли свою роль, в первую очередь, психологическую, а также напугали лошадей римской конницы, но приписывать им основную причину поражения римлян неверно. Победа была одержана благодаря полководческому таланту Пирра, выучке его воинов и грамотному управлению армией на поле боя. Однако Петриковски считает, что в сражении при Гераклее «превосходство Пирру обеспечили скорее решительность и упорство его пехоты», а также боевые слоны [11, с. 183]. Данная точка зрения несколько принижает тактику эллинистических армий. Пирр превзошел римлян в маневре на флангах, а боевой строй фаланги успешно противостоял натиску римской пехоты. Сам же Петриковски признает тот факт, что римские пехотинцы не смогли прорвать фалангу [Там же, с. 197].

Каковы же были итоги данного сражения? Плутарх, ссылаясь на более ранних историков, пишет: «Дионисий сообщает, что в битве пало без малого пятнадцать тысяч римлян, Иероним утверждает, что только семь, Пирр же потерял, согласно Дионисию, тринадцать тысяч человек, согласно Иерониму – меньше четырех тысяч, но зато самых сильных и храбрых» [12, с. 445]. Скорее всего, верны цифры Иеронима, поскольку потеря 13 тыс. воинов означала, что армия Пирра практически утратила боеспособность. Однако эпирский царь мог после этого сражения вести наступательные военные действия против римлян, что было бы невозможно при таких больших потерях. Светлов, исследовавший походы Пирра, оценивает как наиболее реальные потери его армии в 4–7 тыс. чел. [14, с. 219]. Также он отмечает, что эпирскому царю было трудно восполнить потери своей армии с точки зрения качества пополнения, поэтому широко известные слова о «пирровой победе» можно приложить и к этой ситуации [Там же]. Банников считает, что армия Пирра потеряла 4 тыс. солдат, а римляне 7 тыс. убитыми, фактически

повторяя цифры Иеронима, и, таким образом, определяя их как наиболее достоверные [2, с. 192].

Что касается тактических приемов, то Пирр использовал все достижения эллинистической военной мысли, такие, как удары конницы по флангам противника и использование боевых слонов против вражеских всадников, и именно это принесло ему победу. Римляне проявили упорство и дисциплину, а также умение наносить фронтальные удары по вражеской пехоте. Однако они плохо прикрывали свои фланги, а римская пехота так и не смогла прорвать эпирскую фалангу. В дальнейшем римская армия встретилась в бою с армией Пирра при Аускуле и Беневенте, данные сражения подробно рассмотрены нами в отдельной статье [7, с. 45–47].

Однако после окончания похода Пирра в Италию римская военная система прошла проверку на эффективность в период Первой Пунической войны 264–241 г. до н.э. В этой войне римская тактика первоначально демонстрировала свое превосходство над армией Карфагена, но в сражении при Баграде в 255 г. до н.э. римляне потерпели сокрушительное поражение. Данное сражение примечательно тем, что карфагенянами командовал спартаец Ксантипп, являющийся ярким представителем эллинистической военной школы. Как пишет Аппиан, «карфагеняне стали просить лакедемонян прислать к ним военачальника, полагая, что они несут поражения вследствие отсутствия надлежащей военной власти. Лакедемоняне послали им Ксантиппа» [1, с. 140]. Полибий отмечает, что Ксантипп был прекрасным военным профессионалом и, проанализировав причины поражения карфагенян, сделал вывод, что те «...понесли поражения не от римлян, но от себя самих благодаря неопытности своих вождей» [13, с. 167]. Скорее всего, Ксантипп хорошо знал римскую тактику и ее особенности, а также видел сильные и слабые стороны римской армии. Он понял, что можно победить римлян, используя слабости их тактики и боевого построения. Римский писатель Фронтин отмечал: Ксантипп «обратил внимание, что африканцы, превосходившие противника конницей и слонами, взбираются на холмы, а римляне, сила которых в пехоте, занимают равнины» [15]. Проще говоря, спартаец увидел, что римская армия плохо держит фланговые удары из-за слабости своей конницы и больше всего полагается на фронтальную атаку тяжелой пехоты.

Когда Ксантипп прибыл в Карфаген, карфагеняне были уже несколько раз разбиты римским консулом Марком Атилием Регулом и находились на грани полного поражения. Им удалось сформировать последнюю армию, численностью в 12 тыс. пехоты, 4 тыс. конницы и 100 боевых слонов [5, с. 144]. Римские легионы и армия Карфагена встретились в сражении у р. Баград. Как пишет Аппиан, римская армия во время

марша к реке подвергалась нападению вражеской легкой пехоты, которая поражала солдат с крутых холмов камнями и стрелами [1, с. 140]. Спартавец применил тактику изнурения противника до генерального сражения, что было очень эффективно в данной ситуации. Какова же была численность римской армии? Скорее всего, она состояла из четырех легионов, легковооруженной пехоты и конницы, общей численностью, как считает М.Б. Елисеев, около 30 тыс. чел. [5, с. 154]. Данные подсчеты приблизительны, но ясно, что римляне превосходили карфагенскую армию по количеству тяжелой пехоты, уступая в коннице. Также следует отметить отсутствие у римлян боевых слонов.

На что надеялся Ксантипп, решаясь на генеральное сражение с римлянами? В первую очередь, на свое тактическое превосходство и умение управлять войсками. А также на то, «что он одолеет уставшего и пострадавшего в пути врага и что сама ночь окажет помощь победителю» [1, с. 140]. Елисеев отмечает, что Ксантипп был настолько уверен в своих силах, что не стал препятствовать переправе римской армии через Баград [5, с. 146].

Каков же был план сражения спартанского полководца? Это можно понять после анализа боевого построения карфагенской армии. По сообщению Полибия, слонов он поставил в одну линию впереди всей армии, а «фалангу карфагенян выстроил в тылу их на умеренном расстоянии. Одну часть наемников он поместил на правом фланге; другая часть, самая легкая, вместе с конницей заняла место впереди обоих флангов» [13, с. 168]. Из этого видно, что Ксантипп собирался обойти римскую армию с флангов, а в центре сдерживать натиск римской пехоты слонами и фалангой тяжелой пехоты. По мнению Елисеева, «стратег планировал слаженным ударом кавалерийских масс смять римских всадников, зайти легионам в тыл и уничтожить их комбинированным ударом» [5, с. 147]. В этом ударе принимали участие все рода войск карфагенской армии. Ничего сложного в этом плане сражения не было, Ксантипп реализовывал полное взаимодействие конницы, боевых слонов, а также тяжелой и легкой пехоты на поле боя. Именно в этом заключалась тактика эллинистических армий, надо было просто уметь ее применять.

Что касается римлян, то, «страшась нападения слонов, которого они ожидали, римляне выставили вперед легковооруженных, в тылу их поместили один за другим многочисленные манипулы, а конницу разместили на обоих флангах» [13, с. 168]. Из этого построения ясно, что римский консул надеялся на мужество и упорство римской пехоты. Полибий, будучи профессиональным военным, отмечает, что римляне «всю боевую линию... сделали короче сравнительно прежней, зато глубже» [Там же]. Таким образом, римский командующий пытался отразить

атаку слонов, надеясь, что они завязнут в плотных боевых порядках римской пехоты. Однако Регул допустил ошибку в боевом построении. Как считает Полибий, «против неприятельской конницы, во много раз превосходившей их собственную», римляне не приняли никаких мер [13, с. 168]. Данная ошибка, которая заключалась в игнорировании фланговых ударов противника, допускалась римскими командирами уже не в первый раз. Римляне традиционно надеялись на фронтальную атаку своей тяжелой пехоты и ее стойкость. В принципе, тактика римского легиона была шаблонной и могла иметь успех только против слабого в тактическом плане противника.

Ксантипп начал сражение по всем канонам эллинистической военной науки. Он приказал вести слонов в атаку, а «коннице велел окружить неприятеля с обоих флангов и напасть на него» [Там же]. Эта тактика была стандартной для эллинистических армий: слоны и фаланга – «наковальня», а конница – «молот». Конница карфагенян опрокинула римскую кавалерию, которая «обратилась в бегство». Что касается римской пехоты, то ее левый фланг «ударил в правый фланг карфагенян, принудил его к отступлению» и гнался за ними до самого лагеря [13, с. 169]. Часть римских манипул сумела прорваться сквозь линию боевых слонов, где они «натолкнулись на наемную стройную фалангу карфагенян и были истреблены» [Там же]. Из этого описания можно сделать вывод о том, что фланги римской армии были опрокинуты атакой карфагенской конницы, а римская тяжелая пехота, пробившись через линию боевых слонов, не сумела опрокинуть тяжелую пехоту карфагенян и оказалась между фалангой и слонами. Римская пехота оказалась в полном окружении вражеской конницы и положение римлян «стало безнадежным» [Там же]. Попытка римской пехоты вырваться из окружения привела к ее полному уничтожению. Как пишет Полибий, «так как отступление совершалось по равнине, то часть римлян была раздавлена слонами и конницей, около пятисот человек, бежавших вместе с консулом Марком, скоро попали в руки неприятелей» [Там же]. Всего из римской армии, по данным Полибия, спаслись «около двух тысяч человек» [Там же]. Это означало полное уничтожение римских сил в Африке. Данные цифры римских потерь подтверждает и Аппиан, писавший, что «из 30 тысяч человек, которых вел Атилий, немногие с трудом бежали в город Аспиду» [1, с. 141]. Такого позорного поражения римляне не терпели очень давно.

Что касается карфагенской армии, то ее потери составили «около восьмисот наемников, поставленных против левого неприятельского фланга» [13, с. 169]. Именно такие цифры приводит Полибий, скорее всего, они верны, правда, без учета раненых. Можно ли доверять

этим цифрам? Полибий был практически современником описываемых событий, а также профессиональным военным, поэтому он мог иметь довольно точную информацию о потерях обеих сторон. Учитывая его симпатии к римлянам, он не был заинтересован в занижении потерь карфагенской армии. Итог этого сражения показывает полное превосходство эллинистической тактики. Елисеев считает, что «стратагемы эллинов восторжествовали над римской военной школой» [5, с. 155]. Боевой порядок легиона, состоящий из трех линий манипул, был бессилён против монолитной фаланги и фланговых ударов конницы. В принципе, это было продемонстрировано ещё царем Пирром, надо было только уметь пользоваться этими преимуществами эллинистической тактики. Конечно, на пересеченной местности римские манипулы были более маневренными, чем фаланга, но Ксантипп правильно выбрал место битвы, что позволило нивелировать данное преимущество римлян.

Однако полномасштабное столкновение римской и эллинистической военных школ произошло в ходе Второй Македонской войны, длившейся с 200 до 197 гг. до н.э. По итогам поражения македонской армии в битве при Киноскефалах делается вывод о полном превосходстве римской тактики и боевого порядка легиона над македонской фалангой и эллинистической военной системой. Что же представляла собой македонская армия царя Филиппа V? Основой военной структуры служила знаменитая македонская фаланга, куда набирали воинов только из свободных крестьян. Помимо фаланги, существовал корпус пельтастов, которые представляли собой пехоту, способную сражаться как в плотном, так и рассыпном строю. В отличие от воинов фаланги, которых выпускали по домам в мирное время, пельтасты несли службу постоянно [8, с. 3–4]. Легкая пехота была представлена наемниками, в основном, это были фракийцы и иллирийцы, а также критские лучники. Македонская конница набиралась из среды аристократии и была одной из лучших. Однако по причине высокой стоимости снаряжения и коней ее численность уменьшилась до 2 тыс. всадников [Там же, с. 5]. В принципе, македонская армия была адекватна тем задачам, которые ставил перед ней Филипп V. Она обладала большим военным опытом и отработанной тактикой, но, как считает Петриковски, была истощена непрерывными войнами [11, с. 254].

Что касается римской армии, то структура легиона осталась неизменной, его основой служила тяжелая пехота, дополненная легковоруженными велитами и конницей. Однако в ходе войны с Ганнибалом римляне научились парировать фланговые удары, а также сами наносить удары по флангам противника. Война с Македонией не рассматривалась римскими политиками как тяжелая. По оценке Тита Ливия, «она

не могла сравниться с предшествующей ни по опасности, ни по доблести вражеского вождя, ни по мужеству и упорству солдат» [9, с. 5]. Конечно, данная оценка демонстрирует определенную самоуверенность римлян, но после победы над Ганнибалом они имели на это право. Надо отметить и тот факт, что римские политики больше надеялись на свою дипломатию и старались создать коалицию против Македонии из полисов Эллады. Поскольку, как пишет Плутарх, «Македонская держава давала Филиппу достаточно войска для одного сражения, но в случае длительной войны все пополнение фаланги, снабжение деньгами и снаряжением, убежище, где можно укрыться, зависели от греков» [12, с. 419]. Фактически, Рим мог спокойно вести затяжную войну против Македонии, изматывая противника. Поражение римлян в одном из сражений не приводило к катастрофе римского государства. Македонский царь, в отличие от римлян, был ограничен в ресурсах, поэтому первое проигранное генеральное сражение вело к катастрофе всей Македонии.

Однако война состоит не только из генеральных сражений, а также и из мелких стычек и засад, в которых македонская армия сумела потрепать римские легионы. М.Б. Елисеев считает, что Филипп V «был блестящим мастером маневренной войны и тактических засад» [4, с. 221]. В битве при Оттолобе он поймал римлян в тактическую ловушку. Вышедшие на фуражировку из лагеря римские воины оказались на равнине. Увидев, что они разбрелись и потеряли боевой порядок, царь Македонии «быстро выдвинул на середину равнины всю свою конницу и тех пеших критянок, что были особо скоры на ногу» [9, с. 31]. Римляне оказались отрезаны от лагеря и подверглись избиению македонской конницей и критскими лучниками. Даже такой патриот, как Ливий, указывает, что «преимущество было на стороне македонян» [Там же]. Римский консул был вынужден вывести тяжелую пехоту из лагеря, чтобы спасти своих воинов от уничтожения. К сожалению, Филипп V увлекся участием в схватке и не сумел помешать этому маневру римлян. Елисеев считает, что это была главная ошибка македонского царя, подражавшего Александру Великому [4, с. 225]. Ливий откровенно признает, что, «если бы македоняне не так увлеклись преследованием, они, наверное, завершили бы славной победой не только это сражение, но и всю войну» [9, с. 32]. В этой стычке македонская конница и критские лучники показали свое превосходство над легкой пехотой римлян. Римские командиры оказались не способны противостоять засадам и стремительным атакам вражеской конницы при поддержке лучников. Однако у македонской армии не оказалось инициативных офицеров, которые могли без царя принимать самостоятельные решения. Македонская конница

могла быть поддержана в атаке собственной пехотой, но она осталась в лагере [9, с. 33]. Такие ошибки римляне не прощали.

Что же касается римской тактики боя с метанием пилумов и последующим переходом в рукопашную схватку, то при осаде г. Атрака она не особенно помогла им против македонской фаланги. Как сообщает Ливий, пролом в городской стене оказался очень узким, поэтому «когда македоняне, сомкнувшись, выставили копьа необычайной длины и плотно сдвинув щиты, образовали подобие черепахи», римляне «тщательно кидали в них дротики, а когда обнажили мечи, то не смогли не сойтись в рукопашную, ни перерубить копьа врага» [9, с. 56]. Из данного эпизода ясно, что римские солдаты не могли успешно атаковать фалангу в лоб. Если ее фланги были надежно прикрыты, то такая атака была полностью неэффективна.

Окончательный вердикт, чья тактика является лучшей, дало сражений при Киноскефалах в 197 г. до н.э. Обе стороны готовились к решительному сражению на Фессалийской равнине. Численность македонской армии в этой битве достигала 16 тыс. фалангитов, 2 тыс. пельтастов, 2 тыс. фракийских и 1500 греческих наемников, а также 2 тыс. македонских и фессалийских всадников [11, с. 254]. Что касается римской армии консула Тита Квинция Фламинина, то у него было 12 тыс. тяжелой пехоты, 5 тыс. легкой пехоты и 2400 всадников. Также в римскую армию входили 6 тыс. пехотинцев и 400 всадников этолийских союзников [6, с. 8]. Помимо этого, у римлян было 10 боевых слонов, присланных нумидийским царем [11, с. 254]. Обе армии были примерно равны по силам, превосходство римлян в коннице нивелировалось высоким качеством македонских и фессалийских всадников. Теперь все зависело от качества управления армией в ходе сражения.

По сообщению Ливия, «перевалив через холмы, которые называются Киноскефалы, македоняне разбили лагерь и выставили сильную охрану из пехотинцев и всадников» [9, с. 78]. Сама же битва «завязалась между дозорными римлян и македонян» [Там же]. Для македонского царя она была вынужденным и неожиданным решением. Филипп V считал, что «все делается опрометчиво, что ему не нравится ни место, ни время сражения» [9, с. 79]. Однако избежать сражения он не мог, поэтому вся надежда царя была на стремительную атаку правого фланга македонской армии на левое крыло римлян. Данное сражение разбиралось многими авторами, как древними, так и современными историками, из чего вырисовывается следующая картина. Ливий отмечает, что «на правом фланге местность благоприятствовала царю: он занимал высоты и в сражении одерживал верх» [Там же, с. 80]. Этот факт подтверждает и Плутарх: «На правом крыле преимущество было на стороне Филиппа,

который бросил свою фалангу на римлян и погнал их вниз по склону холма, они не выдержали натиска сомкнутых щитов и силы удара сарисс» [12, с. 422]. Петриковски отмечает, что «правое крыло Филиппа безостановочно теснило левое крыло римлян» [11, с. 262]. Я.И. Зверев пишет, что римляне не смогли пробить строй фаланги и были полностью разбиты на левом фланге [6, с. 10]. Однако левый фланг македонской армии еще не развернулся из походного порядка в боевой. Это отмечает Ливий, указывая на тот факт, что «подоспевшая фаланга, выстроенная скорей для похода, чем для сражения, едва вышла на кряж» [9, с. 80]. В результате, между правым и левым флангами македонской армии образовался разрыв, который не был прикрыт ни пехотой, ни конницей. Именно в этот промежуток между частями фаланги и направил свой удар римский консул. «Квинкций... направил удар именно против фаланги, не выстроившейся еще к бою, хотя видел, что на правом фланге римляне отступали» [Там же]. Римский командующий грамотно использовал ошибку македонского царя и его офицеров.

Обращает на себя внимание тот факт, что македонская фаланга на левом фланге не была построена в боевой порядок, что, несомненно, помогало римлянам вести ближний рукопашный бой. Плутарх пишет о том, что римляне нанесли свой удар там, «где неприятельский строй был растянут» и «холмистая местность мешала образовать фалангу и сомкнуть на всю глубину ряды» [12, с. 422]. Если бы разрыв между частями фаланги был прикрыт пельтастами или конницей, то катастрофы можно было избежать, но Филипп V и командир его левого фланга допустили ошибку в развертывании армии, что и привело к поражению македонцев. Петриковски считает, что «все мелкие просчеты в дисциплине и командовании македонской армией привели ее к разгрому» [11, с. 263]. Также надо учитывать, что римляне «пустили вперед слонов» и они привели часть левого фланга македонской армии в замешательство [9, с. 80]. Римляне продемонстрировали и инициативу младших командиров на поле боя. «Один из военных трибунов, действуя сообразно обстоятельствам... совершил быстрый обход и зашел в тыл правому крылу врага» [Там же]. Из этих фактов ясно, что римляне полностью использовали все ошибки македонского царя и его офицеров. Было ли это превосходством тактики легиона и манипул над македонской фалангой и эллинистической тактикой? Скорее всего, это было превосходство консула Фламинина в умении управлять армией на поле боя, а также стойкости римской пехоты. Даже такой римский патриот, как Ливий, отметил, что «никакой строй не сохранит порядок от замешательства, подвергшись удару с тыла» [Там же]. Римские легионы также не могли выдерживать такие удары.

Что касается итогов сражения, то македонцы потеряли 8 тыс. убитыми и 5 тыс. пленными [12, с. 422]. Такова была цена ошибки Филиппа V в управлении армией. С.Н. Чернявский, например, считает, что Фламинин лучше умел «командовать большими массами войск» [16, с. 201]. Итогом данного сражения нельзя считать превосходство римской тактики над эллинистической военной системой, в первую очередь, оно показало, что римляне не прощают ошибок на поле боя. Следует отметить и то, что македонская армия была истощена многолетними военными кампаниями, а качество ее офицерского состава сильно упало. Даже если бы македонский царь и одержал победу, римляне собрали бы еще одну армию и послали ее на войну против Македонии. Римская республика побеждала благодаря своему упорству, большим человеческим ресурсам и умелой дипломатии. Эллинистические полководцы прекрасно знали римскую тактику и ее особенности, но не до конца поняли суть римского общества и государства. Это было их главной ошибкой.

Библиографический список / References

1. Аппиан Александрийский. Римская история. М., 2002. [Appian of Alexandria. *Rimskaya istoriya* [Roman history]. Moscow, 2002.]
2. Банников А.В. Эпоха боевых слонов. СПб., 2012. [Bannikov A.V. *Epokha boevykh slonov* [Age of war elephants]. St. Petersburg, 2012.]
3. Голдсворти А. Во имя Рима. Люди, которые создали империю. М., 2006. [Goldsworthy A. *Vo imya Rima. Lyudi, kotoryye sozdali imperiyu* [In the name of Rome. People who created an Empire]. Moscow, 2006.]
4. Елисеев М.Б. Римско-македонские войны. Легион против фаланги. М., 2016. [Yeliseyev M.B. *Rimsko-makedonskiye voyny. Legion protiv falangi* [Roman-Macedonian wars. Legion against the phalanx]. Moscow, 2016.]
5. Елисеев М.Б. Первая Пуническая война. М., 2018. [Yeliseyev M.B. *Pervaya Punicheskaya voyna* [The First Punic war]. Moscow, 2018.]
6. Зверев Я.И. 2-я Македонская война: битва при Киноскефалах // Воин. 2001. № 5. С. 8–12. [Zverev Ya.I. 2nd Macedonian war: Battle of Cynoscephalae. *Voin*. 2001. No. 5. Pp. 8–12. (In Russ.)]
7. Калмыков В.С. Поход царя Пирра в Италию как первое столкновение Рима с эллинистическим миром // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 3. С. 35–50. [Kalmykov V.S. The campaign of king Pyrrhus to Italy as the first clash of Rome with the Hellenistic world. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2018. No. 3. Pp. 35–50. (In Russ.)]
8. Кузьмин Ю.Н. Армия эллинистической Македонии в III–II вв. до н.э.: история и военная организация // Воин. 2002. № 9. С. 2–8. [Kuzmin Yu.N. Army of Hellenistic Macedonia in the III–II centuries BC: History and military organization. *Voin*. 2002. No 9. Pp. 2–8. (In Russ.)]
9. Ливий Тит. История Рима от основания города. Т. 3. М., 1993. [Livy Titus. *Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [History of Rome from the Foundation of the city]. Vol. 3. Moscow, 1993.]

10. Паркер Г.М. История легионов Рима. От военной реформы Гая Мария до восхождения на престол Септимия Севера. М., 2017. [Parker H.M.D. Istoriya legionov Rima. Ot voyennoy reformy Gaya Mariya do voskhozhdeniya na presto Septimiya Severa [The Roman legions]. Moscow, 2017.]
11. Петриковски Д. Великие сражения эпохи эллинизма. М., 2018. [Pietrykowski J. Velikiye srazheniya epokhi ellinizma [Great Battles of the Hellenistic World]. Moscow, 2018.]
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1994. [Plutarch. Sravnitelnyye zhizneopisaniya [Parallel Lives]. Vol. 1. Moscow, 1994.]
13. Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. [Polybius. Vseobshchaya istoriya [The Histories]. Vol. 1. St. Petersburg, 1994.]
14. Светлов Р.В. Войны античного мира: Поход Пирра. М., 2003. [Svetlov R.V. Voyny antichnogo mira: Pokhod Pirra [Wars of the ancient world: Pyrrhus campaign]. Moscow, 2003.]
15. Фронтин Секст Юлий. Военные хитрости. (Стратagemы). СПб., 1996. [Frontinus Sextus Julius. Voyennyye khitrosti. (Stratagemy) [Strategematon]. St. Petersburg, 1996.]
16. Чернявский С.Н. Филипп V. Взлет и падение эллинистической Македонии. М., 2018. [Chernyavskiy S.N. Filipp V. Vzlet i padeniye ellinisticheskoy Makedonii [Philip V. The Rise and fall of Hellenistic Macedonia]. Moscow, 2018.]
17. Эдкок Ф. Военное искусство греков, римлян, македонцев. М., 2012. [Adcock F. Voyennoye iskusstvo grekov, rimlyan, makedontsev [Greek and Macedonian art of war]. Moscow, 2012.]
18. Юстин Юниан Марк. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historia Philippicae». СПб., 2005. [Justin (Marcus Junianus Justinus Frontinus). Epitoma sochineniya Pompeya Troga «Historia Philippicae» [Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus]. St. Petersburg, 2005.]

Статья поступила в редакцию 15.01.2020, принята к публикации 30.04.2020
The article was received on 15.01.2020, accepted for publication 30.04.2020

Сведения об авторе / About the author

Калмыков Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков имени В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Vitaliy S. Kalmykov – PhD in History; associate professor at the Department of Ancient History and Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: newlofty@mail.ru